

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) ¹⁾.

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Визирь рѣшился предложить Кутузову миръ и написалъ ему слѣдующее письмо: „Я на Васъ напалъ врасплохъ. 28 августа Вы сдѣлали со мной то же самое. Теперь, перейдя Дунай, мнѣ ничего не остается, какъ предложить миръ. Заключимъ же его. Будьте великодушны и не злоупотребляйте Вашими успѣхами“. Кутузовъ былъ великодушенъ. Заключить миръ было нетрудно, такъ какъ наши требованія были очень умѣренны. Послѣ того, что я написалъ Воейкову; послѣ того, что Кутузовъ сообщилъ Государю; послѣ того, что герцогъ Ришилье, въ своей секретной перепискѣ, не переставалъ представлять, Государь далъ секретныя приказанія, которыя прошли черезъ военнаго министра безъ вѣдома гр. Румянцева, но, по необъяснимымъ причинамъ, онъ упорствовалъ и хранилъ ихъ при себѣ, скрывая отъ канцеляріи и министра иностранныхъ дѣлъ, несмотря на явныя доказательства неправильности его взглядовъ, его полного ослѣпленія, упрямства и того зла, которое онъ приносилъ Россіи. Главныя четыре пункта, которыхъ требовало заключеніе мира, были слѣдующіе: 1) границы въ Европѣ, 2) границы въ Азіи, 3) сербы и 4) деньги на покрытіе расходовъ войны.

При другихъ обстоятельствахъ, Бессарабія, Молдавія и Валахія

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1910 г.

не могли намъ заплатить за ту кровь и тѣ сокровища, которыхъ намъ стоила эта разорительная война, но положеніе, въ которомъ теперь находилась Россія, и то положеніе, въ которомъ она могла вскорѣ быть, требовало принесенія большихъ жертвъ для заключенія мира, сдѣлавшагося теперь необходимою. Не только его непременно нужно было заключить, но даже надо было добиться союза съ турками. Поэтому, мы должны были стараться не раздражать ихъ требовательными условіями, вслѣдствіе чего миръ, только что заключенный, могъ бы порваться.

Всѣ были слишкомъ долго ослѣплены поведеніемъ Франціи, но теперь можно было не сомнѣваться въ войнѣ съ Наполеономъ; она была неизбежна, и только война въ Испаніи нѣсколько задержала ее до того состоянія, въ которомъ мы тогда находились. У насъ было въ Польшѣ 200 тысячъ чел., что конечно было не слишкомъ много, тѣмъ болѣе, что у насъ было мало резервовъ, но зато молдавская армія, возвращающаяся въ свои границы, составляла прекрасную войска, только что перенесшія войну съ турками.

Если бы мы потеряли хоть два сраженія въ Польшѣ, то неприятель заставилъ бы наши войска перейти въ Бѣлоруссію, и тогда молдавская армія, абсолютно отрѣзанная, была бы принуждена поспѣшно отступать до Днѣстра, а можетъ быть и дальше.

Валахія была давно желаніемъ Вѣнскаго двора, который не съ особеннымъ удовольствіемъ видѣлъ бы эту прекрасную страну въ нашихъ рукахъ, а намъ же давно хотѣлось похозяйничать тамъ, такъ какъ мы имѣли очень много противъ Вѣнскаго двора..

Получая Сереть какъ границу, турки расширили бы разстояніе между нами и Австріей на 30—40 верстъ, но за то теряли больше половины Молдавіи, самую лучшую ея часть, богатую и здоровую страну, горы, соляныя залежи, золотые пріиски и т. д.

Если считать, что мы избрали границей Сереть потому, что это была хорошая граница въ военномъ отношеніи, то такое соображеніе не имѣло никакихъ основаній, такъ какъ эта рѣка часто вездѣ проходима въ бродъ, о чемъ можно было въ точности узнать у мѣстныхъ жителей всей Молдавіи. Надо было бы подумать и о Валахіи, которую нельзя было оставлять въ угоду фанарскихъ грековъ, которые имѣютъ большое вліяніе на Порту, только для того, чтобы удовлетворить ихъ самолюбію и жадности.

Даже обладаніе Молдавіей было для насъ менѣе важно, чѣмъ границы въ Азіи. Главнымъ же образомъ здѣсь играло честолюбіе, но военный интересъ долженъ быть выше этого чувства. Прута

было бы достаточно для Европы, но въ Азіи нужно было имѣть Ахалцыхъ ¹⁾ и Абхазію.

У насъ есть Анапа, и намъ не нужно было ее ни отдавать, ни даже разрушать. Потн для насъ мало важенъ, такъ какъ черкесы слишкомъ неудобны какъ сосѣди; у нихъ нѣтъ ни пороха, ни оружія, которое они бы получили только отъ турокъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ русскими, они должны были бы намъ подчиниться или, по крайней мѣрѣ, прекратить свои разбои, которые заставляютъ имѣть на Кубани цѣлую армію.

Результаты окончанія этой безконечной войны были бы для русскихъ выгоднѣе, нежели прибавленіе земель въ Молдавіи, приобрѣтеніе которыхъ затрагивало интересы Турціи, бывшей подъ вліяніемъ грековъ, которые опасались потерять это княжество. Затѣмъ, турецкіе полномочные министры такъ же мало знали объ Азіатскихъ провинціяхъ, какъ и мы. Что касается денегъ, то мы были увѣрены, что ихъ никогда больше не получимъ. Турки никогда не согласились бы заплатить контрибуцію, требуемую отъ нихъ послѣ мира въ Кайнарджи и въ Яссахъ, и хотя мы крайне нуждались въ деньгахъ, но Государь имѣлъ настолько великодушія, что не требовалъ ихъ и настолько ловкости и умѣнья, что легко скрылъ свою нужду въ нихъ.

Нельзя было покинуть и сербовъ, не выказавъ этимъ къ нимъ нашу неблагодарность, хотя эта нація далеко не заслуживала той репутаціи и уваженія, которыя она тогда имѣла въ Европѣ. Они должны были быть свободны, имѣть свое особое управленіе и оставаться только данниками Порты. Бѣлградъ долженъ быть отданъ туркамъ вмѣстѣ съ военной дорогой, идущей къ расположенію войскъ, составлявшихъ его гарнизонъ.

Вотъ что я первый осмѣлился представить, но только не графу Румянцеву, который не понялъ бы моихъ благородныхъ стремленій для пользы отечества, а, черезъ Воейкова, военному министру Барклаю-де-Толли.

¹⁾ Кутузовъ говорилъ объ этомъ съ визиремъ, который отвѣчалъ ему, что если даже онъ отдастъ ихъ, то паши ни въ какомъ случаѣ не согласятся на это, и что намъ придется взять ихъ силой. Несомнѣнно, лучше было бы, если бы Гудовичъ и Тормасовъ, вмѣсто того, чтобы сражаться при Эривани, подумали о занятіи Ахалцыха. Истина заставляетъ меня сказать, что всѣ, начиная съ Кутузова, не имѣли никакого понятія о томъ, какъ важны намъ Азіатскія границы. У насъ даже не было географическихъ подробностей объ этихъ провинціяхъ. Въ этомъ можно было винить герцога Ришелье—генераль-губернатора Кубани, человѣка хорошо знающаго все касающееся его области; онъ могъ бы хоть слово сказать намъ, но это молчаніе было большой небрежностью съ его стороны.

Обладая здоровымъ и справедливымъ умомъ и чувствуя искреннюю признательность къ своему повелителю, онъ никогда не пропускалъ случая сдѣлать что-нибудь полезное для своего отечества.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего перехода черезъ Дунай, Кутузовъ приказалъ также переправиться Грекову въ Туртукаѣ и Гамперу въ Силистріи. Обѣ экспедиціи кончились удачно. Грековъ, со своимъ казачьимъ полкомъ и шестью ротами пѣхоты Витебскаго и Куринскаго полковъ, переправился черезъ рѣку и, не встрѣтивъ на томъ берегу никакого сопротивленія, занялъ Туртукаѣ и новыя укрѣпленія, построенныя турками. Паша успѣлъ спастись, но его сынъ былъ взятъ въ плѣнъ. Потери съ обѣихъ сторонъ были незначительны.

Гамперъ переправился черезъ Дунай съ отрядомъ въ 1.500 ч., состоявшихъ изъ Козловскаго пѣхотнаго полка, Смоленскихъ драгунъ и казаковъ Луковкина и Уральскаго полковъ, бывшихъ подъ начальствомъ самого Луковкина, дѣятельнаго, разумнаго и вполне способнаго человѣка, подготовленнаго къ командованію и регулярными войсками, что очень рѣдко среди казаковъ.

Емикъ-Оглы, привыкшій быть захваченнымъ врасплохъ, перенесъ это еще разъ. Онъ началъ перестраивать въ Силистріи дома и поправлять валы, которые были легко взяты нашими войсками, такъ какъ для защиты ихъ было у турокъ слишкомъ мало войскъ. Мы взяли у нихъ 8 совершенно новыхъ пушекъ, которыя они только что получили изъ Константинополя, а бывшіе защитники, числомъ 3—4 тысячи, были разбиты или взяты въ плѣнъ. Самъ Емикъ-Оглы спасся верхомъ на лошади. Онъ имѣлъ порученіе отъ визиря произвести наступленіе на Каларашъ, для чего ему заранѣе и выслали 8 пушекъ, которыя онъ и потерялъ. Послѣ перехода Маркова черезъ Дунай, визирь писалъ ему: „эти невѣрующія собаки, по гнѣву Божію, занявшія нашъ лагерь, окружили армию правовѣрныхъ...“ и совѣтовалъ ему не предпринимать дальнѣйшаго наступленія. Мы нашли это письмо.

Совѣтъ былъ очень хорошъ, но визирь долженъ бы былъ еще прибавить, чтобы онъ былъ болѣе предусмотрителенъ и построилъ бы на берегу Дуная, среди развалинъ города, сильное укрѣпленіе вмѣсто того, чтобы чинить ретраншаменты на протяженіи 5 верстъ.

Послѣ этихъ двухъ удачныхъ экспедицій, которыя навели много страха въ странѣ, ничто уже не мѣшало Луковкину и Грекову идти на Шумлу и Разградъ, но въ это время, какъ разъ совершенно не кстати, заключили перемиріе, и это, къ большому сожалѣнію, должно было остановить ихъ.

Визирь сначала осмѣлился просить границей Днѣстръ, но ему

отвѣтили на это такъ, что онъ больше уже не рисковалъ повторять свое предложеніе. Тогда онъ предложилъ часть Бессарабіи и затѣмъ ставилъ границею Прутъ. Мы думали, что онъ такимъ образомъ дойдетъ до Серета, но вскорѣ увидѣли, что такую границу мы можемъ получить только послѣ новыхъ подвиговъ, ожидать которыхъ было уже поздно, такъ какъ намъ было некогда терять на это время.

П е р е м и р і е.

Наконецъ, послѣ десятидневныхъ переговоровъ, несмотря на всѣ мои старанія продолжать военныя дѣйствія и, въ то же время, вести переговоры о мирѣ, Кутузовъ согласился на перемиріе, сведя къ нулю всѣ результаты, которыхъ мы ожидали отъ нашей побѣды.

Визирь испугалъ Кутузова, пославъ ему сказать, что такъ какъ турки желаютъ мира только для того, чтобы спасти Рушукъ и свою голову, то, въ случаѣ продолженія войны, онъ уйдетъ за Балканы и укрѣпится тамъ, не оставивъ никого для веденія мирныхъ переговоровъ.

Дѣло было въ томъ, что онъ обманулъ султана, донеся ему, что онъ принужденъ былъ оставить Рушукъ и прекратить операциіи вслѣдствіе холоднаго времени года; что русскіе напали на его арріергардъ и причинили ему нѣкоторыя потери и что онъ собирается вести переговоры о мирѣ. Никто изъ его арміи не зналъ или не смѣлъ писать иначе.

Если бы мы прогнали его изъ Рушука, а сами подошли бы къ Шумлѣ, тогда ему немислимо было бы скрывать всю правду, и онъ не спасъ бы своей головы.

Различіе моихъ взглядовъ съ Кутузовымъ и, быть можетъ, рѣзкая манера объясняться съ нимъ породили нѣкоторую холодность въ нашихъ отношеніяхъ. Эта холодность была скоро замѣчена, и добрые друзья не преминули вмѣшаться въ наши отношенія. Марковъ, адъютанты, чиновники и волонтеры прибавляли яду къ моимъ словамъ, которыя и безъ того были довольно горячи, но въ общемъ все кончилось благополучно. Я былъ нуженъ Кутузову, такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, съ 28 августа, я былъ единственнымъ, который велъ дѣла. Онъ объяснилъ мнѣ причины, заставлявшія его дѣйствовать такъ, а не иначе; и я, хотя былъ далеко отъ того, чтобы согласиться съ нимъ, послѣ нѣ котораго размышленія, пришелъ къ убѣжденію въ необходимости покориться роли подчиненнаго; тѣмъ болѣе, что

я былъ вторымъ въ арміи. Эта роль накладывала на меня обязанность молчанія и подчиненія своему начальнику, хотя бы я и не сочувствовалъ его рѣшеніямъ.

Порѣшили собрать въ Журжевѣ конгрессъ, въ составѣ шести членовъ, по три съ каждой стороны. Отъ насъ были назначены: Италинскій, ген. Сабанѣевъ и старшій Фонтонъ, послѣдній не поправился туркамъ; а между тѣмъ, онъ прекрасно зналъ турокъ, хорошо говорилъ на ихъ языкѣ и, будучи долго первымъ драгоманомъ во французской миссіи, онъ въ совершенствѣ изучилъ мусульманскіе нравы и зналъ, какъ надо вести съ ними дѣла. Замѣчательно, что его назначеніе также не нравилось и русскимъ, такъ какъ его все еще подозрѣвали въ преданности туркамъ.

Турки же избрали своимъ полномочнымъ Ардоникадіа (полевой судья), называвшаго себя Селимомъ-Ефенди, который былъ улемомъ, т. е. человѣкомъ закона и культуры. Русскіе называли его г-мъ священникомъ. Вторымъ полномочнымъ былъ Галибъ-Ефенди, тогда Кая-бей въ арміи. Третьимъ они назначили Гамида-Ефенди, бывшаго зимой въ Бухарестѣ. Дмитрій Мурузи, первый драгоманъ въ Портѣ, также участвовалъ въ этомъ конгрессѣ. Это былъ человѣкъ образованный, необычайно хитрый и пронырливый. Кутузовъ считалъ его искренне преданнымъ нашимъ интересамъ, но жестоко ошибся, такъ какъ онъ, какъ и всѣ фанарскіе греки, занимался исключительно своими личными интересами. Намъ все-таки удалось привязать его къ себѣ, предложивъ ему въ перспективѣ владѣніе Валахіей, о чемъ онъ давно мечталъ, при нашей помощи или при содѣйствіи Кая-бея. Его мечты, впрочемъ, не оправдались, и онъ не получилъ Валахіи.

Молодой Антонъ Фонтонъ былъ нашимъ переводчикомъ; у турокъ переводчикомъ былъ грекъ Апостолаки-Сталю. Здѣсь я вспоминаю анекдотъ про него. Галибъ-Ефенди былъ очень маленькаго роста, и когда онъ садился на лошадь, то ему невозможно было закинуть ногу на сѣдло, тогда Апостолаки становился на четвереньки и, такимъ образомъ, служилъ ему скамейкой. Это совсѣмъ въ нравахъ турокъ.

Конгрессъ въ Журжевѣ поражалъ своей смѣшной стороной: Италинскій поражалъ своимъ большимъ, прямо гигантскимъ ростомъ; Селимъ-Ефенди также былъ большого роста и очень толстый; во время засѣданій онъ никогда не произносилъ ни одного слова и большею частью дремалъ. Сабанѣевъ и Кая-бей были просто карликами. Засѣданія конгресса происходили въ зданіи бывшаго кабака, извѣстнаго всѣмъ молодымъ людямъ. И въ такомъ-то отвратительномъ мѣстѣ рѣшалась судьба двухъ государствъ.

Этому конгрессу, еще до начала его, чуть не помѣшали нѣко-

торыя препятствія. Полномочные министры признались, что визирь не получилъ отъ султана разрѣшенія заключить миръ. Неправдоподобному такому заявленію никто не вѣрилъ, предполагая, что разрѣшеніе имѣется. Фонтонъ совѣтовалъ отослать полномочныхъ министровъ обратно, но Кутузовъ и на этотъ разъ былъ не энергиченъ и повѣрилъ визирю, который обѣщалъ, что непременно получить уполномочіе на заключеніе мира. Конгрессъ открылся, но въ Бухарестѣ надъ нимъ смѣялись совершенно открыто; а французская и греческая партіи говорили, что миръ не будетъ заключенъ, такъ какъ прошло болѣе недѣли, а переговоры не начинались.

Можно было опасаться, какъ-бы французское вліяніе въ Константинополѣ дѣйствительно не помѣшало заключенію мира.

При взятіи турецкаго лагеря, была захвачена и печать визиря, который теперь обратился къ Кутузову съ просьбой возвратить ему ее, говоря, что безъ нея онъ не можетъ ни отправить ни одной бумаги, ни написать нужнаго для насъ договора, такъ какъ у турокъ печать прикладывается всегда рядомъ съ подписью.

Но насъ не могли провести этой ложью. Фонтонъ прекрасно зналъ государственную печать, которую визирь называлъ своей личкой, но Кутузовъ и тутъ не могъ не выказать своей слабыхарактерности и разрѣшилъ выдать визирьскую печать. Миѣ принесли эту печать въ лагерь съ большой церемоніей, и я передалъ ее посланному визирю. Для него это былъ трофей, который онъ страшно берегъ.

Для того, чтобы проредактировать всѣ подробности этого мира, нужно было не больше 5—6 засѣданій, но дипломаты не могутъ такъ быстро рѣшать вопросы, какъ военные; къ тому же турецкіе министры долше другихъ тянутъ дѣла, особенно, если имъ хорошо платять. Эти три господина получали въ день по 25 дукатовъ столовыхъ денегъ, поэтому вполне понятно, что они желали получать ихъ какъ можно долше. Турки, какъ и евреи, обладаютъ коварствомъ и терпѣніемъ. Они готовы спорить цѣлый день за какое-нибудь слово или поступокъ.

Я предложилъ Кутузову помѣстить этихъ дипломатовъ (начиная съ Италинскаго) въ палаткахъ, между обѣими арміями, гдѣ бы дождь и градъ принудили бы ихъ приняться за свои обязанности. Кутузовъ принялъ мое предложеніе за шутку и только разсмѣялся въ отвѣтъ. Если бы я былъ начальникомъ, я не преминулъ бы привести свои мысли въ исполненіе.

Конечно, самымъ выдающимся изъ всего конгресса былъ Галибъ-Ефенди, пользовавшійся довѣріемъ визиря, и если бы ихъ отношенія продолжались такими же, то дѣла пошли бы болѣе успѣшно; но Галибъ сдѣлался положительно ненавистнымъ Ахмету. Между ними про-

изошелъ разладъ. Мы уже видѣли, что визирь скрылъ отъ султана всѣ непріятныя подробности постигшей его катастрофы. Султанъ былъ еще молодъ и неопытенъ, проводимый друзьями Ахмета, онъ былъ увѣренъ, что турки потеряли только арріергардъ въ 1.500 чел.; но если онъ и находился въ такомъ невѣдѣніи, то не по винѣ Галиба-Ефенди, который, бѣжавъ изъ лагеря въ Разградъ, написалъ султану всю правду. Въ своемъ письмѣ онъ не пощадилъ визиря, не надѣясь, что тотъ могъ продержаться визиремъ. Письмо это было вручено каймакаму (замѣститель визиря въ Константинополѣ во время его отлучекъ), который былъ другомъ Ахмета, и полученное письмо Галиба, вмѣсто того, чтобы быть переданнымъ султану, было отослано Ахмету. Понятно, что послѣ этого визирь уже не считалъ Галиба своимъ интимнымъ другомъ и сомнѣвался въ немъ, а отъ этого, къ сожалѣнію, страдали переговоры.

Прошелъ мѣсяцъ, а дѣла конгресса были въ такомъ же положеніи, какъ и въ первый день. Когда заболѣлъ курьеръ визиря въ Шумлѣ, то онъ послалъ сказать Кутузову, что оставляетъ этихъ „животныхъ“ министровъ (выраженіе было еще грубѣе), а самъ, какъ только получитъ уполномочіе султана, покончитъ, всѣ дѣла въ одну минуту. Въ ожиданіи этого, онъ собиралъ въ Русукѣ войска и припасы, а время проходило. Затѣмъ, визирь сталъ распространять слухъ, что будто онъ получилъ приказаніе султана, въ случаѣ пораженія, вооружить матросовъ, „зимнее“ войско¹⁾ и оставшихся янычаръ, и что самъ онъ ежедневно ѣздитъ въ Варну.

Тогда Кутузовъ послалъ ему сказать, что если хоть 50 чел. придутъ въ Разградъ, то онъ немедленно прекращаетъ переговоры и начинаетъ наступленіе. Визирь отвѣтилъ, что ни одинъ человекъ не перейдетъ Шумлы. Я никогда не вѣрилъ въ движеніе этихъ войскъ.

Положеніе турокъ, запертыхъ въ своемъ лагерѣ, на лѣвомъ берегу Дуная, было такъ ужасно, что всякое человѣческое чувство возмущалось до крайности. По заключенному съ визиремъ договору мы ежедневно доставляли имъ 10 тысячъ полторафунтовыхъ бѣлыхъ хлѣбовъ, соль и 300 фунт. говядины, за что визирь платилъ очень дорого. Посылаемой нами провизіи было бы вполне достаточно этимъ несчастнымъ, чтобы не умерли съ голоду, но янычары и другіе состоящіе при начальникахъ были единственными, которые пользовались всѣми этими благами. Хотя алчность и жадность у

¹⁾ „Зимними“ войсками у турокъ называются тѣ, которыя, несмотря ни на какое время года, должны немедленно выступить въ походъ или держать гарнизоны.

турокъ доходятъ до ужасной степени, но этимъ порокомъ нація турокъ превосходитъ всѣ остальные на земномъ шарѣ. Паши, завладѣвъ присланной нами провизіей, продавали ее солдатамъ, не состоящимъ въ ихъ свитѣ и не имѣющимъ протекціи, но имѣющимъ деньги (а ихъ имѣли не многіе); продавали же они въ 4 раза дороже, чѣмъ платили намъ. Больше половины солдатъ не получали рѣшительно ничего. Болѣзни увеличились до того, что ежедневно умирало больше 300 чел. Сначала умершихъ бросали въ Дунай, а затѣмъ уже не обращали на нихъ никакого вниманія и оставляли сгнивать на мѣстѣ смерти. Тысячи этихъ несчастныхъ кидались на колѣни передъ нашими аванпостами, чтобы выпросить у казаковъ кусокъ хлѣба, предлагая имъ все, что имѣли, даже свое самое драгоценное оружіе. Болѣе 1.500 чел. бѣжали къ намъ; это были не люди, а какія-то тѣни, изнемогшія отъ нужды и бѣдствій. Своихъ лошадей кормили они желудями или корнями, выкапываемыми изъ земли, когда же лошадь издыхала, они тотчасъ же разрѣзали ее на части и ѣли сырое мясо.

Въ этомъ несчастномъ лагерѣ стоялъ такой ужасный смрадъ, что когда начиналъ дуть южный вѣтеръ, то и нашъ лагерь заражался смрадомъ. Нѣсколько разъ я предлагалъ имъ сдаться, но они никакъ не хотѣли согласиться безъ приказа визиря. Чапанъ-Оглы просилъ позволенія послать депутатовъ къ визирю, чтобы описать ему весь ужасъ положенія несчастныхъ, но Кутузовъ отказалъ въ этомъ, и предложилъ Чапану написать письмо, которое и будетъ передано визирю. Чапанъ же не хотѣлъ давать письма, говоря мнѣ, въ одно изъ нашихъ свиданій, что это письмо можетъ послужить визирю документомъ противъ него. Странная организація въ этой арміи, гдѣ каждая личность подозрѣваетъ одинъ другого, гдѣ господствуетъ деспотизмъ, распущенность, недовѣріе и жестокость. Чапанъ рубилъ головы за каждое рѣзкое слово или за таковой же жестъ, но тѣмъ не менѣе у него изъ палатки, нѣсколько разъ, воровали весь запасъ провизіи, которую мы ему посылали.

Наконецъ, 9 ноября, спустя 30 дней послѣ переправы Маркова, къ визирю прибылъ его курьеръ, но содержаніе привезенныхъ имъ бумагъ было для насъ тайной.

Кутузовъ уже начиналъ подозрѣвать, что онъ былъ обманутъ, но тутъ же сдѣлалъ снова ошибку. Онъ предложилъ туркамъ сдаться и пріѣхалъ ко мнѣ въ лагерь для приѣма ихъ депутатовъ. Депутаты не являлись и вообще, казалось, не торопились, такъ что Кутузовъ принужденъ былъ возвратиться въ Журжево.

Незадолго передъ симъ, Кутузовъ получилъ отъ Государя письмо, полное похвалъ и благодарностей, и въ которомъ Государь

давалъ ему почти полную свободу дѣйствій. Съ этимъ же курьеромъ присланъ былъ Кутузову Георгій 2-й ст., въ которомъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ¹⁾, ему нельзя было отказать, но ношеніе имъ этого креста не встрѣчено сочувственно въ арміи. Мы всѣ были крайне удивлены, что Кутузова не произвели въ фельдмаршалы или не дали Георгія 1-й ст. Онъ былъ сдѣланъ графомъ, что впрочемъ не особенно ему льстило.

Полномочіе султана было адресовано Галибъ-Ефенди, который былъ названъ имъ первымъ членомъ конгресса, что показалось намъ грозящей немилостью къ визирю.

Засѣданія и конференціи продолжались, но все съ одинаковой медленностью. Наконецъ, послѣ 94 дней бивачной жизни и 50 дней страданій, когда турки не могли уже болѣе перенести ихъ, и когда наши войска, расположенныя лагеремъ на болотѣ, были не въ силахъ терпѣть сырость, дожди, снѣгъ и грязь, визирь и Кая-бей заключили съ Кутузовымъ условіе, чтобы размѣстить турецкія войска по квартирамъ, подъ нашей стражей, но подъ честнымъ именемъ „Мусофиръ²⁾“, но на самомъ дѣлѣ плѣнниками. Они должны ими быть въ дѣйствительности и носить это названіе, если бы миръ не былъ заключенъ, въ противномъ случаѣ, они должны быть вмѣстѣ съ своими пушками возвращены на правый берегъ Дуная.

Мы условились, что пушки и всѣ боевые запасы будутъ отправлены въ Журжево и охраняемы отрядомъ турецкихъ канонировъ и нашими артиллеристами; все оружіе должно быть уложено и запечатано, для храненія въ лагерь, а затѣмъ будетъ перевезено въ Журжево и охраняемо, какъ и пушки (послѣднихъ было 51. Марковъ же имѣлъ 10 и 2 мортиры).

Турки дотога подозрительны и такъ медленны въ своихъ рѣшеніяхъ, что имъ понадобилось 8 дней для раздумыванія, прежде чѣмъ они рѣшились выйти изъ своихъ убѣжищъ. Анатолійцы и янычары все еще были увѣрены, что мы ихъ задушимъ.

Наконецъ, они вышли изъ своего лагеря и расположились около деревни Мальки; совершенно же ихъ лагерь былъ очищенъ только черезъ 4 дня. Кутузовъ приказалъ мнѣ отправить больныхъ въ

¹⁾ 1827 г. Теперь у насъ 20 кавалеровъ Георгія 2-й ст. По настоящему положенію дѣлъ, я бы могъ его получить 7 разъ. Я имѣлъ его за взятіе Торна. Остальные дѣйствительно его заслужили блестящими подвигами, исключая тѣхъ, которые получили его за турецкую войну: гр. Сергѣя Каменскаго, Уварова и Маркова.

²⁾ По-французски это слово нельзя перевести: не совсѣмъ точно это будетъ hôte.

Руцукъ, и я отослалъ туда 2.600 чел. совсѣмъ умирающихъ, а до 2.000 больныхъ послѣдовало за арміей. Знавшіе насъ раньше, узнавъ, что я хочу ихъ отправить въ Руцукъ, говорили, что если уже Богъ присудилъ ихъ умереть, то они спокойно умрутъ, если будутъ знать, что за ними ухаживаютъ русскіе, а не турки.

Когда мы вошли въ турецкій лагерь, то первое, что намъ бросилось въ глаза—это несчастные страдальцы, протягивающіе намъ руки за хлѣбомъ; когда же они его получили, то съ жадностью набрасывались на него и тутъ же умирали. Мы видѣли другихъ, которые кусали себѣ руку, чтобы съѣсть кусокъ своего собственнаго мяса. Никогда еще я не видалъ ничего подобнаго¹⁾, такъ ужасно было зрѣлище турецкаго лагеря. 8.000 труповъ лошадей, на половину сгнившихъ и истлѣвшихъ, валялись тутъ же на землѣ²⁾; 2.000 человѣческихъ труповъ, въ такомъ же положеніи, окружали палатки!

Все, что только война и голодъ могутъ имѣть бѣдственнаго, все это сосредоточилось въ этомъ несчастномъ лагерѣ. Удивительно, что у насъ не было чумы или по крайней мѣрѣ эпидеміи. Когда турки вышли уже изъ своего лагеря, я замѣтилъ, что они, вопреки нашего условія, увозятъ свое оружіе на повозкахъ. Я предупредилъ объ этомъ Кутузова и хотѣлъ на полѣ же пересѣчь имъ дорогу, но главнокомандующій запретилъ мнѣ это и оставилъ ихъ въ покоѣ. Но все же онъ выразилъ неудовольствіе Чапану-Оглы, который признался въ своей неправотѣ и обѣщалъ, что какъ только они придутъ на квартиры, сейчасъ же отниметъ и отошлетъ оружіе къ намъ, а если бы начать отбирать его теперь, то на переговоры пойдетъ дней 8; затѣмъ, онъ добавилъ, что турки, забирая съ собой оружіе, имѣли намѣреніе продать его, что они и сдѣлали по прибытіи своемъ въ Руссо-ди-Веде.

Въ с. Малькѣ они простояли 3 или 4 дня, во время которыхъ мы могли сосчитать ихъ, но результата никакого не получилось; мы знали, что приблизительно ихъ было 8.500 чел., изъ коихъ 500 „топчисъ“ или артиллеристовъ были посланы въ Журжево, а затѣмъ въ Родоваго на р. Аржишѣ. Остальные были отправлены: въ Руссо-ди-Веде, Мавродію, Могару и др. сосѣднія деревни, окруженныя нашими войсками. Начальствованіе надъ этой арміей поручено было мнѣ, а помощникомъ моимъ назначили ген. Булатова.

¹⁾ Мнѣ это казалось тогда, но послѣ отступленія Наполеона отъ Москвы и перехода черезъ Березину я видѣлъ и не такіе ужасы.

²⁾ Живыхъ лошадей въ лагерь осталось только 130.

Его дѣятельность, мягкость характера и услужливыя манеры дѣлали его достойнымъ довѣрія главнокомандующаго¹⁾.

Болѣе 1.500 несчастныхъ турокъ погибло уже на зимнихъ квартирахъ, вслѣдствіе перенесенныхъ ими страданій. Изъ 2.000 отправленныхъ мною въ госпиталь выжило только 500 чел.

Вообще потери турокъ при Слободзеѣ видны изъ слѣдующей таблицы:

Мы взяли въ плѣнь	8.500 чел.
Мы отослали обратно	2.600 "
Бѣжало къ намъ	1.600 "
Погибло отъ голода и нужды	2.000 "
Въ госпиталяхъ	3.000 "
Убито во время сраженія	5.000 "
Возвратились на правый берегъ	1.000 "

Итого 23.700 чел.

Кутузовъ уѣхалъ въ Бухарестъ, куда перенесъ и засѣданія конгресса. Я же долженъ былъ остаться въ Журжевѣ, чтобы условиться съ визиремъ относительно плѣнниковъ. Мы никакъ не могли уговорить Кутузова посѣтить наши редуты и осмотрѣть наши позиціи и турецкій лагерь. Ни чувство долга, ни любопытство не могли заставить его хотя на время отрѣшиться отъ его обычной апатіи и лѣни.

У насъ было условлено, что турки сами будутъ кормить свои войска, и Кая-бей заключилъ контрактъ съ г. Шостакомъ, комиссіонеромъ военныхъ госпиталей, по которому тотъ обязывался снабжать ихъ бѣлымъ хлѣбомъ, мясомъ, табакомъ и пр.; на всѣ эти припасы были назначены чудовищныя цѣны, но половина условленной суммы не была заплачена турками. Быть можетъ у нихъ не было денегъ или просто визирь не хотѣлъ платить такой большой суммы.

Однажды, какъ-то въ французской газетѣ мы прочитали замѣчательную для насъ фразу: „Теперь уже извѣстно, что великій визирь никогда не былъ блокированъ въ Рушукъ, а находился онъ тамъ только для осмотра войскъ. Успѣхъ же русскихъ заключается во взятіи только небольшого корпуса въ 4.000 чел.“.

Кутузовъ получилъ заслуженное. Всегда люди, не умѣющіе поль-

¹⁾ Мнѣ, родившемуся въ Парижѣ, было странно, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ командовать русской и турецкой арміями и видѣть себя окруженнымъ казаками, спагами (конница мусульманъ), гренадерами и янычарами—бывшими подъ моимъ начальствомъ.

зоваться результатами своей славы, впоследствии терпятъ много упрековъ.

Въ общемъ, Кутузовъ имѣлъ на своей сторонѣ счастье ¹⁾, что не покидало его и въ эту войну. Мы предполагали, что эта кампанія не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій, и тѣмъ не менѣе она была самой грозной и самой блестящей изъ всѣхъ предыдущихъ. Она могла бы кончиться еще лучше, если бы не слабый и нерѣшительный характеръ нашего главнокомандующаго. Но все-таки нельзя не признаться, что несмотря на наши блестящія побѣды и большія потери въ турецкой арміи, географическое преимущество осталось на сторонѣ непріятели, такъ какъ онъ приобрѣлъ Русукъ, мы же не сохранили ничего на побережьѣ Дуная.

Военныя дѣйствія въ Малой Валахін.

Мы уже видѣли, какую цѣну я предлагалъ за взятіе или, вѣрнѣе, за покупку флотиліи въ Виддинѣ. Кутузовъ и военный министръ раздѣляли мое мнѣніе по этому вопросу. Безспорно, что безъ флотиліи, состоящей изъ 150 или 200 малыхъ судовъ, турки мало бы имѣли возможности переправиться черезъ Дунай; а мы знаемъ, что если бы визирь, при своемъ переходѣ у Слободзеи, въ одну ночь могъ бы посадить на суда всю свою армію, то этимъ доставилъ бы намъ много затрудненій, особенно когда Булатовъ былъ отброшенъ.

Кутузовъ приказалъ Зассу ничего не жалѣть для приобрѣтенія этой флотиліи, а Зассъ, всегда ловкій, хитрый и пронырливый, на этотъ разъ повелъ столь нужные переговоры очень неудачно. Не знаю, можетъ быть въ этомъ нужно обвинять его приближенныхъ, такъ какъ Зассъ, всегда очень слабый съ ними, легко подчиняется тому вліянію, которое сумѣетъ завладѣть его довѣріемъ. Онъ не очень разборчивъ въ средствахъ для добыванія денегъ; его грабительства достигли высшей степени, а такъ какъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ участвовали и его приближенные, то это обстоятельство сдѣлало его какъ бы зависящимъ отъ нихъ. Онъ уже не могъ обойтись безъ нихъ и больше всего боялся чѣмъ-нибудь разсердить ихъ.

Преступленіе дѣлаетъ равными всѣхъ его участниковъ. Главные представители этихъ злоупотребленій были: 1) племянникъ и адъютантъ Засса—Штрандманъ, самый наглый изъ всѣхъ грабителей, 2) его аудиторъ, 3) его адъютантъ. Наконецъ, начали подозрѣвать одного молодого человѣка, Мавроса, который былъ у Засса драгома-

¹⁾ Дстойно удивленія пристрастное отношеніе Ланжерона къ Кутузову, признававшему за Кутузовымъ только счастье. *Ред.*

номъ. Этотъ молодой человекъ былъ грекъ и приходился родственникомъ Сутце, почему мы и хотѣли удалить его отъ Засса, но онъ вѣрно стоялъ за него, такъ какъ онъ сдѣлался уже необходимымъ для его личныхъ интересовъ. Мавросъ былъ умный и очень тонкій человекъ; его обвиняли въ томъ, что покупка флотилии не совершилась.

Можетъ быть это была сплетня, а можетъ быть Мулла не могъ или не хотѣлъ ее отдать; легко можетъ быть, что онъ хотѣлъ вставить насъ лишь потерять побольше времени. Тѣмъ не мѣнѣе, хотя ему и удалось упрочить свой грабежъ и заставить себя признать виддинскимъ пашей, онъ отлично зналъ, что если онъ дастъ возможность войскамъ визиря проникнуть въ Виддинъ, то ему не снести своей головы. Поэтому было рѣшено не впускать ихъ туда. Въ интересахъ своей торговли, онъ хотѣлъ быть намъ полезнымъ и для этого помѣшать приходу турокъ, но опасался одного—какъ-бы слишкомъ откровенное покровительство врагамъ его отечества не вызвало недовольства и мести со стороны жителей Виддина и даже его собственныхъ войскъ, хотя онъ еще весной отослалъ тѣхъ, на которыхъ не могъ надѣяться. Онъ оставилъ при себѣ 5 или 6 тысячъ, которыхъ считалъ вѣрными себѣ.

Тѣмъ болѣе онъ не могъ принимать въ Виддинѣ русскихъ, изъ боязни за свою голову, которая могла быть отрублена за это какъ правовѣрными, или изгнанными изъ города, что для него было безразлично.

Ему предлагали 20 тысячъ дукатовъ за флотилію; ему бы дали больше, но алчный и жадный, какъ всѣ турки, онъ пытался уже вырвать эту сумму отъ насъ и согласился исполнить предложеніе Засса подняться на нѣсколькихъ лодкахъ вверхъ по рѣкѣ, чтобы Зассъ могъ бы его отвлечь отъ его позиціи, но не успѣлъ начать этого маневра, какъ около Виддина показался Измаиль-Бей съ 12 или 15 тысячами войскъ.

Измаиль-Бей былъ 3-хъ бунчужнымъ пашой или сераскиромъ—однимъ изъ первыхъ лицъ въ имперіи. Старость не измѣнила въ немъ предпріимчиваго и дѣятельнаго характера. Онъ командовалъ арміей въ 1810 году противъ сербовъ.

Мулла-паша не далъ ни ему, ни его войску взойти въ Виддинъ, а разрѣшилъ только нѣсколькимъ невооруженнымъ людямъ придти купить съѣстныхъ припасовъ, которые онъ продавалъ на вѣсъ золота. Онъ тоже не хотѣлъ позволить Измаилу основаться на большихъ островахъ, находящихся противъ города, но не осмѣлился ему отказать въ пользованіи своей небольшой флотиліей и уступилъ ее съ условіемъ получить обратно по окончаніи кампаніи.

Условіе, которое, быть можетъ, турки и не выполнили бы, если бы у нихъ было гдѣ размѣстить эту флотилію; но они видѣли, что не могли отойти отъ Виддина, не рискуя попасть въ наши руки.

Мудла далъ Иманлу-Бекю нѣсколько гарнизонныхъ войскъ для разныхъ экспедицій, которыя онъ предпринималъ, но, по окончаніи экспедицій, войска эти возвращались въ городъ. Только въ Турціи, въ этой странѣ, гдѣ анархія, возстанія и безнаказанность идутъ рука объ руку съ несправедливостью, деспотизмомъ и жестокостью, только при такомъ безпорядочномъ правленіи и распущенности, съ ихъ религіей и принципами, можно видѣть генерала, предлагающаго подобныя условія другому генералу, часто враждующихъ между собой, при чемъ тотъ, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ этой вражды, награждался чинами и богатствами. Виддивъ расположенъ на границѣ съ Сербіей, на правомъ берегу Дуная, около поворота, который дѣлаетъ эта рѣка, мѣняя свое направленіе съ сѣвера на югъ; около Орсовы она принимаетъ новое направленіе съ запада на востокъ. Виддивъ—это складочное мѣсто для своза товаровъ Болгаріи, Сербіи, Валахіи и Венгріи; это большой городъ, очень многолюдный, богатый и торговый, хорошо укрѣпленный даже со стороны Дуная и другихъ точекъ важныхъ для Болгаріи. Противъ города находятся два острова, изъ которыхъ одинъ, довольно большой, лежитъ какъ разъ противъ города, а другой немного ниже. На первомъ островѣ Мудла расположилъ войска, которыя защищаютъ входъ съ лѣваго берега рѣки, но рукавъ Дуная, отдѣляющій островъ отъ этого берега—былъ очень узокъ, и можно было даже предполагать, что въ концѣ лѣта онъ пересыхаетъ, что дѣйствительно случилось въ 1811 г.

На лѣвомъ берегу Дуная, немного выше Виддина, противъ западнаго предмѣстья, находилась чудная, громадная деревня Калафатъ, гдѣ графъ Клерффе, командовавшій австрійскимъ корпусомъ, разбилъ въ 1790 году турецкую армію. Деревни этой теперь не существуетъ¹⁾. Нѣсколько дальше отъ береговъ рѣки тянется довольно значительная возвышенность, которую перерѣзываютъ овраги, идущіе по направленію къ Дунаю. Отъ Калафата, ниже, верстахъ въ 5-ти или 6-ти находятся болота съ такими глубокими и вязкими днями, что они трудно проходимы даже тогда, когда пересыхаютъ, за исключеніемъ трехъ узкихъ дорожекъ, которыми и пользуются обыкновенно. Генералъ Зассъ полагалъ, что турки хотятъ атаковать сербовъ, и приготовился защищать ихъ, но онъ не ожидалъ перехода ихъ черезъ Дунай, который дѣйствительно былъ такъ же трудно предполагаемъ, какъ переходъ великаго визиря подъ Слободзеей.

¹⁾ Навѣрно существуетъ даже и въ настоящее время.

Зассъ всего имѣлъ 8 слабыхъ баталіоновъ, 15 эскадроновъ и 2 полка казаковъ, которыми и могъ располагать. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ отправилъ генерала-маіора графа д'Орурка въ Сербію. Этотъ генералъ пользовался его большимъ довѣріемъ и завоевалъ себѣ такое же между сербами. Я ему далъ свой полкъ Волинскихъ уланъ въ 10 эскадроновъ, 4 баталіона и полкъ казаковъ, съ которыми онъ занялъ позицію на рѣкѣ Тимокъ, около крѣпости Неготина, въ 30-ти верстахъ отъ Дуная и 120-ти отъ Краіова. Два баталіона Нейшлотскаго полка были въ Бѣлградѣ и въ Делиградѣ. Великій визирь, обдумавъ свой планъ набѣга на обѣ Валахіи, приказалъ Измаиль-Бейю проникнуть въ Малую Валахію, тогда какъ самъ онъ пошелъ бы въ Большую. Они должны были соединиться въ Бухарестѣ, и Измаиль-Бей не скрывалъ своей надежды быть скоро въ Краіовѣ. Генералъ Зассъ, не предполагая, что мулла отдастъ свой небольшой флотъ Измаилу-Бейю, обращалъ вниманіе только на два пункта: Сербію и крѣпость Ломъ-Паланка.

Эта маленькая крѣпость, взятая въ 1810 году Желтышевымъ, была, я не знаю почему, всѣми покинута. Передъ нею находился хорошо укрѣпленный островъ, благодаря чему, турки могли съ безопасностью совершать вылазки съ помощью 60-ти или 80-ти маленькихъ лодочекъ, которыя они уже приготовили на рѣкѣ Ломъ. Измаиль-Бей приблизился къ Виддину со своими войсками, состоящими изъ албанцевъ и анатоліанцевъ (последніе были подъ начальствомъ Кара-Османъ-Оглы) и, получивъ пушки, которыя ему прислалъ великій визирь, 19-го іюля перешелъ Дунай, а 20-го іюля на маленькій островъ, находившійся противъ Виддина, тотчасъ-же приказавъ построить редуты и ретраншаменты, а затѣмъ перешелъ въ бродъ маленькій рукавъ Дуная и укрѣпился на лѣвомъ берегу.

Если бы турки съумѣли разсчитать свои дѣйствія и отправили бы другой корпусъ войскъ въ Ломъ-Паланку, то генералъ Зассъ очутился бы въ критическомъ положеніи и принужденъ бы былъ ретироваться къ Краіову, но подобныя соображенія выше силъ турокъ, и можно быть увѣреннымъ, что они безъ диверсіи всегда направляютъ свои силы на тотъ пунктъ, который они атакуютъ.

Генералъ Збіевскій находился со своимъ превосходнымъ Мингрельскимъ полкомъ противъ Лома; и какъ только онъ узналъ, что Измаиль-Бей былъ около Виддина и уже перешелъ рѣку, онъ двинулся противъ него и засѣлъ около болотъ, которыя лежали на лѣвомъ берегу противъ Виддина. Одинъ батальонъ 27-го егерскаго полка оставленъ былъ въ Калафатѣ. Зассъ собралъ остатки своихъ войскъ, которыми можно было располагать, въ Чироѣ, въ 40 верстахъ отъ Виддина и въ 80 верстахъ отъ Краіова. Извѣстно,

что изъ Чироя можно было сообщаться со всѣми остальными пунктами.

22-го іюля, турки, перейдя Дунай, перешли болото по тремъ маленькимъ дорожкамъ и атаковали Збіевскаго, который только-что прибылъ. Этотъ генералъ и его полкъ, такой же доблестный, какъ и онъ самъ, увѣнчали себя славой въ данномъ случаѣ. Онъ осадилъ турокъ и очень долгое время сопротивлялся самъ, хотя былъ въ шесть разъ слабѣе ихъ, но въ концѣ концовъ былъ бы разбитъ, если бы къ нему на помощь не явились бы Зассъ и генералъ Рѣпинскій съ 43 и 27 егерскими полками и кавалеріей. Пріѣхавъ въ деревню Чупурчени, вправо отъ турокъ, Зассъ узналъ объ ихъ наступленіи и тотчасъ же атаковалъ тѣ части ихъ войскъ, которыя засѣли за болотами на небольшой возвышенности, служившей для нихъ хорошей защитой, и выбилъ ихъ оттуда. Русской кавалеріи тутъ не пришлось много дѣйствовать. Между тѣмъ, турки выходили изъ-за болотъ, тогда одинъ эскадронъ Переяславскихъ драгунъ, подъ командою подполковника Зейдлера, встрѣтилъ ихъ ружейнымъ огнемъ и заставилъ одну изъ турецкихъ колоннъ отступить.

Сраженіе было долгое и упорное. Наконецъ, турки принуждены были перейти обратно болота и скрыться въ ретраншаментъ, который они построили уже на берегу рѣки. Такимъ образомъ, планъ Измаиль-Бей съ перваго же момента былъ уничтоженъ храбростью Збіевскаго и дѣятельностью и умными распоряженіями генерала Засса.

Зассъ не имѣлъ и 3.500 челов. войска, но Измаиль-Бей считалъ его сильнѣе и терялъ дорогое время на окапываніе. Его бездѣйствіе дало время Зассу приказать графу д'Орурку прибыть изъ Сербіи форсированнымъ маршемъ, съ двумя баталіонами пѣхоты и 5-ью эскадронами Чугуевскихъ уланъ, подъ командою полковниковъ Беренса и Бенкендорфа, оба прекрасные офицеры. Сюда же форсированными маршами спѣшилъ и графъ Воронцовъ съ тремя баталіонами Выборгскаго полка, что было весьма полезно. Маленькая флотилія стояла на рѣкѣ Жіа, и часть ея, которая была противъ Турно, видѣла лѣвый флангъ Засса укрѣпленнымъ, что мѣшало туркамъ, спускавшимся внизъ по рѣкѣ, совершать высадки, которыя были бы для насъ весьма опасны.

Тогда турки были блокированы въ ихъ укрѣпленіяхъ. Но если имъ было трудно выйти оттуда съ надеждою на успѣхъ, то Зассу было еще труднѣе атаковать ихъ. Ихъ укрѣпленія были очень сильны и добраться до нихъ можно было не иначе, какъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ намъ извѣстно, что турки хорошо защищаются за закрытіями. Чтобы лучше удержать за собой позицію и

не утомлять войска, генераль Зассъ приказалъ построить генералу генеральнаго штаба Мишо (котораго ему прислали, и который былъ его единственнымъ превосходнымъ помощникомъ) два сильныхъ редута и исправить три другихъ, возведенныхъ раньше, вдоль по болотамъ. Редуты были выстроены очень быстро и прекрасно расположены; въ нихъ размѣстили пандуровъ (пѣхота венгерскихъ выходцевъ).

Я уже замѣтилъ, что пандуры очень стойки въ ретраншаментныхъ, такъ какъ они отлично знаютъ, что имъ нечего надѣяться на милости турокъ. Ихъ соединили съ нѣкоторыми регулярными войсками. Первая линія этихъ редутовъ была на половину вооружена пушками, взятыми изъ турецкихъ укрѣпленій; перестрѣлка была обоюдная и безконечная, но нашъ огонь былъ сильнѣе огня турокъ и причинялъ имъ больше вреда, чѣмъ ихъ намъ.

3-го августа Измаилъ-Бей сдѣлалъ дерзкую, хорошо направленную атаку на правый флангъ генерала Засса, котораго онъ хотѣлъ обойти. Но такъ какъ онъ не могъ занять большого острова, который находится противъ Виддина, потому что мулла-паша не уступалъ ему его, то онъ вытянулъ свои войска вдоль Дуная, противъ Калафата, котораго Зассъ не могъ занять, чтобы не очень растягивать свой фронтъ, и со всею силою напалъ на правый флангъ русскихъ. 43-й егерскій полкъ сражался цѣлый день и для усиленія огня стрѣлковъ были подведены Переяславскіе драгуны и казаки. Дѣло было горячее и стояло обѣимъ сторонамъ немало людей. Тогда графъ Воронцовъ еще не прибылъ, редуты наши еще не были совершенно окончены и, если бы туркамъ удалось зайти въ тылъ и отбросить войска Засса, то, не имѣя большого резерва, Зассъ принужденъ былъ бы отступить.

Красовскій, бывшій адъютантъ Засса, одинъ изъ главныхъ помощниковъ въ его неправильныхъ и несправедливыхъ поступкахъ, но прекрасный офицеръ, очень отважный ¹⁾, измѣнилъ ходъ дѣйствій смѣлымъ, блестящимъ маневромъ, который украсилъ его славою.

Замѣтивъ, что до непріятельскихъ ретраншаментовъ нельзя было иначе добраться, какъ по узенькой тропинкѣ, но что высохшія направо болота позволяли пробраться по нимъ и ударить туркамъ въ тылъ, не рискуя подвергнуть себя такой же опасности, онъ

¹⁾ Красовскій не былъ еще тогда адъютантомъ Засса, онъ былъ майоръ 13-го егерскаго полка, который былъ въ Яссахъ, но Зассъ добился, что онъ остался съ нимъ, такъ какъ былъ очень полезенъ ему для военныхъ и финансовыхъ операцій.

взялъ съ собой 70 смѣльчаковъ Мингрельскаго полка и ударилъ во флангъ и въ тылъ туркамъ, которые тотчасъ же остановили свою атаку и бросились на Красовскаго, но онъ скрылся въ болота, гдѣ и оставался до тѣхъ поръ, пока турки не вошли въ свои ретраншаменты. За это дѣло онъ былъ произведенъ въ подполковника, что онъ безусловно заслужилъ.

Между тѣмъ, пора было подумать и о Ломъ-Палаикѣ, такъ какъ не слѣдовало подражать въ нерадѣніи туркамъ, которые никогда не думали о тѣхъ большихъ операціяхъ, которыя имъ предстояло вести. Наша регулярная флотилія, перешедшая на лѣвый флангъ Засса, потому что иначе снаряды съ противоположной стороны беспокоили ее, остановилась около острова, который находится противъ Лома; но огонь съ крѣпости и съ обонхъ редутовъ, построенныхъ на островѣ, заставилъ нашихъ храбрыхъ моряковъ ночью спуститься еще ниже, на 3 версты. Генералъ Кутузовъ, раздраженный этимъ малодушнымъ отступленіемъ стараго Акимова, вызвалъ его въ Журжево, а на его мѣсто послалъ подполковника Энгельгарда, волонтера, потерявшаго ногу въ Прусской войнѣ ¹⁾.

Энгельгардъ былъ одаренъ умомъ и ловкостью, но былъ чрезвычайно высокомеренъ и дерзокъ.

Кутузовъ, не подозрѣвая, что островъ на Ломѣ былъ занятъ и укрѣпленъ турками, приказалъ Энгельгарду съ баталіономъ Олонецкаго полка занять его. Этимъ баталіономъ командовалъ полковникъ Второвъ, прекрасный офицеръ, но Кутузовъ не зналъ его и, не справившись у насъ о его способностяхъ, отнял у него командованіе и передалъ его одному изъ волонтеровъ, не безъ основанія ненавидимыхъ въ арміи полковыми офицерами.

Но и Энгельгардъ не могъ взять этого укрѣпленнаго острова тремя ротами (одна оставалась на рѣкѣ Жіа); тогда генералъ Зассъ отправилъ туда еще подполковника Красовскаго съ однимъ баталіономъ Мингрельскаго полка, 43-го и 27-го егерскихъ полковъ и 2-мя эскадронами Дерптскихъ драгунъ.

28 августа, въ полночь, Энгельгардъ открылъ сильный огонь изъ 8-ми пушекъ по лѣсистой части острова, гдѣ находились турки, а затѣмъ вогналъ ихъ въ ихъ ретраншаменты и заставилъ ихъ поспѣшить отплыть обратно. Турки никакъ не ожидали подобной атаки, а сначала полагали, что эта канонада была съ цѣлью облег-

¹⁾ Это былъ незаконный сынъ подполковника Василя Энгельгарда, племянника князя Потемкина, о которомъ я говорилъ во второй части журнала за 1790 годъ.

чить движеніе флотиліи. Они отступили, чтобы избѣжать встрѣчи съ ней. При чемъ и наша флотилія не мѣшала ихъ отступленію.

Войска шли къ редутамъ въ двухъ колоннахъ: два батальона подъ начальствомъ подполковника Красовскаго двинулись справа, а одинъ баталіонъ слѣва. При наступленіи Красовскій взялъ небольшую флешь, не потерявъ ни одного человѣка; у турокъ же было убито 4 человѣка, прочіе скрылись въ ретраншаментлахъ. Колонна, преслѣдовавшая бѣглецовъ, очутилась между двумя редутами. Красовскій тотчасъ же отправилъ капитана Ожаровскаго, волонтера, атаковать правый редутъ, а самъ занялъ берегъ, чтобы помѣшать неприятелю перейти Дунай и, въ то же время, чтобы поддержать первую колонну, когда въ томъ встрѣтится необходимость.

Ожаровскій овладѣлъ редутомъ, послѣ долгаго и довольно сильнаго сопротивленія. Турки, потерявъ 64 убитыми, бросились въ Дунай, гдѣ и потонули.

Колонна, двигавшаяся слѣва, направилась на редутъ, находившійся въ концѣ острова, съ цѣлью взять его приступомъ, но защитники его, послѣ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ, просили о капитуляціи. Имъ разрѣшили уйти со всѣмъ ихъ оружіемъ въ крѣпость Ломъ-Паланку. Русскимъ достался островъ со всѣми укрѣпленіями и двумя батареями. Турецкія же суда, не успѣвшія укрыться подъ защитой крѣпости, были уничтожены Энгельгардомъ, который велѣлъ поставить противъ нихъ 8 пушекъ, и въ три дня они были разбиты и потоплены ¹⁾.

Въ этой экспедиціи мы потеряли одного убитымъ и пятерыхъ ранеными, кромѣ того, старшій сынъ генерала Обрѣзкова, адъютантъ Кутузова былъ убитъ, а Красовскій, Ожаровскій и три офицера были ранены. Генераль Засъ велѣлъ подполковнику главнаго штаба графу Людовику де Роше-Шонартъ построить на островѣ сильныя батареи, и, такимъ образомъ, подъ конецъ сраженія турецкія лодки оказались совершенно беззащитными.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Можно себя представить фанфаронство Энгельгарда послѣ этой экспедиціи. Онъ говорилъ, что онъ былъ 3-ій, уничтожившій морскія силы турокъ, графъ Орловъ въ Чесмѣ, князь Нассау въ лиманѣ Очакова и онъ—въ Ломѣ.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.